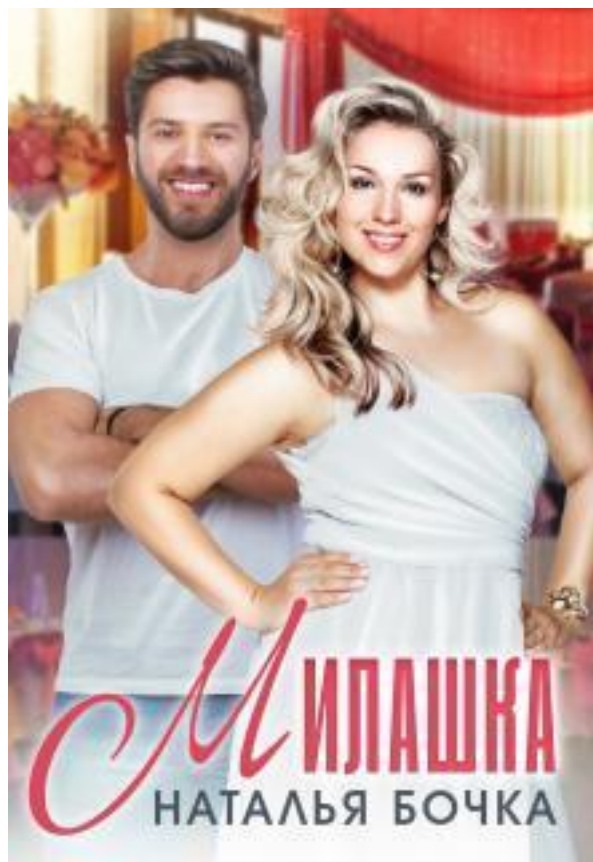

Наталья Бочка

Милашка

<https://litres.ru/74220759>

Аннотация

Каждый человек - худой или толстый, хромой или косой, слишком высокий или совсем низкий, лысый или сильно волосатый, молодой или старый – непременно должен быть любимым. В этой книге нет суперкрасавцев и суперкрасавиц. Только обычные люди, такие как мы с вами.

Содержание

1	4
2	15
3	25
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

- Петя!

Визгливые нотки в голосе жены заставили подскочить с дивана и прибежать на кухню. Картина, что предстала перед взором отца одновременно и смешная, и грустная.

Пятилетняя дочь Любочка, потирая толстенькие ручки, виновато поглядывала то на отца, то на мачеху. Круглые щёчки вымазанные кремом и шоколадом. Нарядное платье одетое по случаю приёма гостей – в шоколадной глазури от плеч до подола, но особенно на животе. И даже на ногах и белых носочках шоколадные следы.

На столе остатки эксклюзивного торта, что был заказан в лучшей кондитерской специально для мероприятия. То, что от торта осталось, вряд ли можно было назвать половиной и казалось, будто дикий зверь драл всю эту красоту в безумном желании насытиться.

- Нет, я этого больше не могу и не хочу терпеть! Этот ребёнок сжирает всё что видит! Как ты хочешь, но я не желаю больше видеть этого монстра в своей квартире. Всё! Терпению моему пришел конец! – в истерике выкрикивала жена.

- Но... Тамара... - попытался вставить слово Пётр Иванович.

- Никаких – но! Это - моё последнее слово!

- Вставай соня. Иди и заработай нам на колбаску.

- У, бабуля ты жестокая женщина, - Люба сопротивлялась и хватала одеяло, что стягивала с неё бабушка, - ну, ещё чуть-чуть.

- Знаю, знаю я твоё чуть-чуть. Если не услежу, ещё два часа будешь спать.

- Ты просто пользуешься тем, что я никому не жалуюсь. Знали бы люди, как ты мучаешь меня по утрам.

- Иди и заработай нам на пропитание. Обрей кого-нибудь, но только без колбасы не возвращайся. Я и так уже два дня без Докторской, а ведь это моё лучшее лекарство.

- Эксплуатация детского труда преследуется по закону, - Люба натянула на голову подушку.

- Ничего себе ребёночек, двадцать шесть с гаком, да и габаритами Бог не обидел.

- Сегодня две свадьбы, так что не только на колбасу хватит. Дай мне пять минут, жестокая ты женщина. Три. Ну, хотя бы две.

- Давай Любаша нечего отговорками сыпать. Вставай пока я не рассердилась.

Бабуля дернула шторы и в комнату ворвались солнечные лучи. Осветили щуплую фигурку бабушки во фланелевом халате, её реденькие с белой сединой волосы, собранные на затылке, а когда она повернулась от окна маленькое лицо, сплошь в добрых морщинах. Даже пытаюсь принять строгий вид, она никогда не казалась строгой.

Люба потянулась и откинула волосы, привстала, глянула в окно, а потом резко бросилась на подушки.

- Тише ты - диван сломаешь, чай не пушинка. Откормила я тебя Любка, ох и откормила, - засмеялась бабушка.

- Замолчи, дай ещё пять минут и обещаю, сегодня отработаю по полной программе.

Бабушка вышла. Люба ещё немного повалялась, потягиваясь в разные стороны. Потом встала, подбежала к окну и выглянула. Весна.

- Ах, как хорошо.

Отец требовал, чтобы после школы Люба в университет поступала, но она на его требования, к тому времени уже плевать хотела. Если в детстве ещё плакала, ещё скучала, ещё не могла никак понять почему папы так долго нет, то, как выросла до состояния подросткового бунтарства, сразу все акценты расставила. Да - ещё любила, да - как могла, понимала, почему он со своей Тamarочкой в Москве остался, а дочь пятилетнюю бабке в провинцию отвёз на воспитание. Отвёз и забыл. А теперь уже вселилась в Любу и злость, и неверие, и ещё куча всяких чувств. Короче плевала на его рекомендации и требования с высокой горы.

А так как с детства куклам причёски вертеть любила, после окончания школы даже не раздумывала, пошла в училище, выучилась на парикмахера и с самых первых рабочих дней бросилась в профессию с головой. Да так изошренно и

новаторски к делу подошла, что уже через пару лет очередь из клиентов на месяц вперёд выстроилась. Так что скучать не приходилось и голодать тоже.

Жили вместе с бабушкой, на жизнь не жаловались.

До парикмахерской буквально два шага. Суббота свадебный день. Благо погода не ветреная, не придётся килограммы лака выливать на головы невест. Хотя Люба на таком деле не экономит, но всё-таки, бывало так залакирует, что девочки потом неделю с причёской ходят.

- Привет, - Эля уже на работе, как всегда, грустная.

- Ну, рассказывай, что опять? – Люба достала из шкафчика принадлежности и с терпеливой гримасой глянула на подругу.

Эля вздохнула, но рассказывать не начинала, это означало - всё совсем плохо.

- Знаешь, со мной наверное что-то не так, - снова вздохнула она и уперев руки в боки глянула в зеркало. Она повернулась сначала одним потом другим боком.

Фигура её плотная, для женской несколько ровная, с большой грудью и животом. Какая ни есть, а и это фигура. Лицо слегка напоминало восточное, отчасти благодаря длинной черной стрелке над веком, отчасти носу с характерной горбинкой, а черные, крашенные волосы короткими кудрями, завершали образ. Было ещё одно обстоятельство, которое и радовало саму Элеонору, и вводило её в непонимание, поче-

му до сих пор никто не зацепился именно за него. Обстоятельство это - раскосый взгляд тёмных глаз. Взгляд этот заставлял мужчин не то чтобы совсем не обращать внимание на плотность фигуры и отсутствие талии, на короткие ножки и большой живот, а просто даже обезоруживал любого, кто хоть раз с интересом заглянул Элеоноре в глаза. И если заглянул, то почти попался.

Всё вместе получалось довольно и неплохо, но Элеонора всё ещё была одинока. Как показывала практика если кто и попадался на раскосый взгляд, то, как правило, ненадолго. В тридцать два года она испробовала, кажется уже все возможные способы привлечения мужчин. И парикмахерская вроде бы, то место которое помогало, но всякий раз, когда Эля разочаровывалась в очередном поклоннике, она страдала по-настоящему. В какой-то момент всё-таки говорила себе – “Элеонора, относись ко всему проще”. Вроде, так и делала. Но привычка, хоть немного пострадать, всё же осталась.

- Я только одного не могу понять, что им ещё нужно? Лицо? Пожалуйста, - она поднесла ладонь к лицу. – Грудь? Вот она, дай бог каждому. Задница? Получите. Что ещё нужно?

- Это не ты не такая, это они дураки? – подбодрила Люба.

- Вот хоть ты скажи мне, что со мной не так? Я не обижусь, скажи правду, может ноги у меня не такие? Или что? Ведь всё для этих дураков делаю, всё.

- А может быть, в этом и дело?

- В чём, в ногах?

- В том, что всё для них. Ты же стелешься перед ними дорожкой. Ну вот, хоть позавчера, этот Боря – хмырь хмырём. Сидит, в зубах ковыряет, а ты перед ним – “Боренька, Боренька”. Смотреть противно.

- А как ещё?

- Как-то по другому, но не так.

- Но ведь я...

В парикмахерскую зашла клиентка и Эля замолчала, стала задумчиво рыться в своих ящиках.

- Я – Оксана. По записи, на причёску для невесты, - сказала девушка и Люба указала ей на кресло.

Причёски получались у Любы просто сногшибательные. Из уст в уста передавался номер её телефона, словно цифры банковского счёта позволенные узнать не каждому.

В пятницу и субботу – дни свадеб, расписано все до обеда. После, Люба старалась не работать. Две, три причёски с утра, отнимали все силы и ровно к полудню заканчивалась и фантазия, и энергия.

С работы Люба шла в супермаркет за покупками, которые всего лишь на один тетрадный листочек предусмотрительно записала бабушка.

Эта суббота не была исключением. В два часа дня Люба вышла из парикмахерской. Ласковое солнце уже вовсю трепетало в молодой листве и заставляло прохожих жмуриться. Вокруг всё благоухало и даже сквозь усталость, Люба почув-

ствовала что-то хорошее, то, что чувствуешь только весной, когда воздух наполняется ароматом молодых трав и цветов.

В супермаркетелюдно, но привычный маршрут и бабушкин список, не дают рассеиваться по пустякам. Люба довольно быстро набрала тележку продуктов и пошла к выходу. Девушка кассир подозрительно смерила взглядом, Люба улыбнулась, так она поступала всегда, если чувствовала, что кому-то не нравится. Иногда это помогало, иногда нет. Порой на её улыбку человек тоже отвечал улыбкой, но видно не в этот раз. Девушка гордо вскинула бровь и с пренебрежительным видом продолжила стучать пальцами по кнопкам кассы.

Всю дорогу до дома трезвонил телефон, но тяжелые пакеты в каждой руке не давали возможности даже попытаться его достать.

“Позвонят, перестанут, а если сильно нужно позвонят ещё раз” – рассуждала Люба и почти никогда не перезванивала. Надоедливое пиликанье не прекращалось. Дома в прихожей она почти бросила пакеты на пол и покопалась в сумке в поисках телефона.

- Кто-то трезвонит уже полчаса, - сказала Люба вышедшей из кухни бабушке.

- Ну, так ответь.

- Руки были заняты, - Люба нажала кнопку. - Алло! Слушаю!

- Ах, наконец-то! - слышался радостный крик в трубке.
- Любочка срочно приезжайте к нам! Срочно, спасайте!

- Не поняла? - сердито возмутилась Люба.

- Умоляю, помогите! Оксаночке срочно нужно сделать причёску! Прошу вас, просто умоляю!

- Послушайте, я сегодня не работаю...

- Вы утром сделали ей причёску!

- И она что – распалась? – Люба не верила своим ушам.

– Там флакон лака!

- Нет! Этот идиот – Димка схватил Оксаночку на руки, фотограф сказал взять невесту на руки. Димка поскользнулся и с Оксаночкой на руках упал в фонтан! Это ужасно! Она просто в шоке. У неё истерика. Прошу, спасите нас! Если не вы, больше нет никакой надежды, мы приплём машину! Пожалуйста, умоляю!

- Ну, хорошо,- устало вздохнула Люба, - пусть к парикмахерской подъедут, я инструменты возьму.

- Спасибо. Вы чудо!

Люба закрыла телефон и обречённо глянула на бабушку.

- Что? – в испуге произнесла та.

- Пойду дальше работать.

В комнате, где сидела и тихонько подвывала Оксанка, столпотворение. Кудрявая, рыжая женщина в платье цвета зелёного яблока, что до неприличия сильно обтягивало живот и бёдра, но в то же время так гармонировало с цветом её волос, кинулась навстречу Любе, протянула руки и взмолилась:

- Помогите, умоляю, вы видите в каком она состоянии?

Волосы Оксанки ещё недавно составлявшие восхитительную высокую причёску, теперь уныло болтались сбоку и были похожи на сплетённую паклю или воронье гнездо растерзанное самими воронами.

- Быстро в ванную! - скомандовала Люба, схватила Оксанку за руку и та податливо пошла за ней. - Где ванная комната?

- Сюда, - указала рыжая женщина, как стало понятно - мама Оксанки.

Секрет парикмахерского таланта Любы заключался так же и в том, что при умении вертеть невероятные конструкции на головах клиенток, занимавшие немалое время, она так же ловко могла за десять минут создать шедевр. Ситуации такие не часто, но приключались. Порой в парикмахерскую врывалась клиентка и, обещая все богатства мира, требовала сделать что-то невероятное. И шедевр, непременно получала. А Люба в свою очередь - неплохие деньги.

Так случилось и теперь, не прошло и пятнадцати минут, как изумлённые подружки и все кто находился рядом, увидели не только полноценную укладку волос цвета шоколада, но и безупречно восстановленный макияж. Оксанка - словно ожила. В глазах снова огоньки, на губах улыбка. Восхищению собравшейся публики не было предела. А когда принесли из сушилки платье и Оксанка вновь стала похожей на невесту, тут уж и аплодисментам пришла пора.

- Вы волшебница, просто волшебница! - всплеснула рука-

ми мать.

- Я не волшебница, я просто знаю - что делать, - скромно, ответила Люба, но восхищение людей вокруг несомненно придало чувства собственной уникальности и значимости.

А когда Люба застегнула кошелек и собиралась распрощаться со счастливой невестой, Оксанка остановила её:

- Нет уж, теперь как хотите, но пока с нами не повеселитесь, мы вас не отпускаем.

- Да вы что? - возмутилась было Люба. - Я устала как собака с вашими свадьбами, есть хочу. И одета не по случаю.

- Не волнуйтесь, мы вас накормим. И с одеждой, дело поправимое. В соседней комнате несколько платьев, мама со своего бутика натащила. Выбирайте на свой вкус.

В общем, как не пыталась Люба сопротивляться, никто не собирался её отпускать.

Свитер со спанч-бобом и жёлтые леггинсы мало соответствовали случаю, поэтому Люба пошла выбирать платье. Говоря откровенно, ей самой хотелось остаться и посмотреть как всё на свадьбах происходит. Ведь ни разу в своей жизни она не посещала ни одного мало-мальски важного мероприятия. Даже на выпускной не пошла, по причинам глупым конечно, как теперь она думает, но тогда они казались серьёзными. Просто не смогла выбрать наряд. Разозлилась на бабушку, что предлагала всякую ерунду. И - не пошла на выпускной.

Одежда, что лежала в соседней комнате рассмешила и да-

же обидела. Они совсем не понимают, что на восемьдесят килограмм Любиного веса, то что здесь висит разве что на палец налезет. Одно, самое завалившее платье ярко-зелёного цвета, всё-таки удалось натянуть. И то, потому что стрейч можно натянуть на всё, даже на немаленькие габариты Любы. Другое дело, как это выглядело. Она покрутилась в поисках зеркала, но не нашла ничего похожего. В тот момент дверь открылась и вошла мама Оксаны, на секунду остановилась, но потом улыбнулась и произнесла фразу, которая Любе понравилась и успокоила:

- Вот и чудесно, теперь вы, как и все мы - в зелёном. Мы решили для свадьбы использовать экологичные цвета. Пойдёмте скорее, мы и так уже много времени потеряли.

И Люба, довольная происходящим, в предвкушении веселья пошла туда, куда пошли все.

2

Подъехали к гостинице. В банкетном зале уже собралось много гостей. С порога запахло едой. Люба почувствовала зверский голод и в уме пожелала чтобы её скорее проводили за стол.

Музыка заполнила пространство. Причудливо заверченные шторы, скатерти, салфетки и огромное количество зелёных шаров. Много тюльпанов. Они повсюду. Их аромат сливается с ароматами парфюмов и весь этот дух просто требует настройки на хорошую волну.

Наряды гостей - весь спектр палитры зелёного. Невеста в нежно-салатовом. Что до жениха, его пока увидеть не удалось. Одна из подружек, проводила Любу за стол и оставила в компании престарелых родственников, явно не чувствующих себя так свободно, как многие остальные. Видно это был столик, для всех кто не слишком должен маячить или для гостей не таких уж важных и незапланированных.

Неожиданно и даже резко - мероприятие началось. Свет приглушили, замелькала светомузыка. Откуда-то со стороны выпрыгнул парень - тамада, и дотошным голосом начал вечер.

С голодухи Люба накинулась на еду и долго насыщала пустой с самого утра желудок. Она так сосредоточенно ела, что почти не обращала внимания на конкурсы и выступления

артистов, что один за другим мелькали перед глазами. Танцоры, певцы, фокусник и даже дрессировщик собак. Иногда кто-то из гостей произносил речь или тост, но Любе всё это совсем не интересно. Она была так занята едой, что даже не смогла остановиться, когда на неё вдруг направили луч прожектора и ведущий объявил что-то в микрофон, а уже захмелевшие гости стали хлопать в ладоши и свистеть.

И только когда Люба услышала:

- Вы, именно вы! - посмотрела по сторонам, поняла, ведущий обращается к ней.

Ситуации хуже этой, нельзя было и представить. В одной руке кусочек багета с красной икрой в другой, наколотая на вилку отбивная. Здесь, посреди этой залы, когда взгляды всех гостей направлены на неё, Люба вдруг подумала о том, что это не совсем правильно одновременно есть такие разные продукты.

Люба глупо улыбнулась и попыталась дожевать то, что оставалось во рту. Не то чтобы она застыдилась, просто не любила повышенного к себе внимания, тем более во время еды.

- Прошу вас, подойти для участия в конкурсе! – крикливо настаивал ведущий.

Он был, как будто уже в предвкушении того, как смешно будет смотреться Люба, с глуповатым лицом, словно гусеница затянутое в зелёное платье, что невероятными складками сжало её полную фигуру.

Да это должен был быть уникальный номер. Люба мотала головой в знак несогласия, но несколько человек даже встали и подошли, чтобы вытолкнуть её в центр зала.

- Вы со стороны невесты или со стороны жениха?! – радостно кричал в микрофон тамада.

- Янесосторныникого, - сквозь еду пыталась сказать Люба, но попытки эти почему-то сопровождались взрывным хохотом всех присутствующих.

- Кто хочет составить компанию этой юной грации! - кричал ведущий и зал снова взорвался смехом.

Откуда-то сбоку из толпы вытолкнули увальня с весёлым взглядом и красными, то ли от смеха, то ли от выпитого спиртного щеками и он тут же деловито взялся за дело.

- А что нужно?

- Славка, давай покажи экстра-класс! – слышались возгласы гостей.

- Давай кабанчик, мы за тебя!

Люба уже собиралась уходить, но ведущий вернул её на место.

- Н-е-е-е-т девушка, теперь пока не поучаствуете в конкурсе, мы вас не отпустим!

Зал ревел от удовольствия и предвкушения невероятно-го конкурса. И картина, прямо скажем, к этому располагала. Если бы Люба смогла посмотреть на себя со стороны, то, наверное, тоже смеялась бы, но у неё такой возможности не было, поэтому она просто не понимала с чего смеются все.

В общем, коварный ведущий заставил их обоих залезть в хула-хуп и пытаться его крутить. Но, то ли обруч оказался маленький, то ли Люба со Славкой слишком большими. Обруч никак не крутился, а они просто бились друг об друга на всеобщую потеху публики. То, что творилось в зале нельзя и передать. Кто-то из парней даже упал на пол от смеха, кажется это был жених. Родственники и друзья превратились в одну сплошную грохочущую массу.

- Давай, давай, крутись, - кричал Славка и Люба задирая руки пыталась крутиться.

В чём состоял финал конкурса и кто остался победителем, она так и не поняла. Потому что когда обруч наконец сняли, Люба услышала - “Ну, ты и корова!”, - это заставило резко повернуться, изловчиться и прямым ударом двинуть кулаком Славке в лицо.

Парень пошатнулся, улыбнулся и упал лицом вниз прямо посреди зала.

Резко - все замолчали.

За всю свою жизнь Люба сделала немало выводов, но один из них стал как бы основой её спокойного существования.

Она знала, что есть - она, её бабушка и ещё несколько человек, которые - как бы, нормальные люди. А все остальные - другие. Как бы, не такие, как она, бабушка и ещё несколько человек. Они - другие во всем.

Те люди, что близкие могут говорить ей всё, что угодно.

Им это позволено. А остальным – другим, таких привилегий не позволяется. И вот, когда кто-то из этих других людей говорил, что она – Люба, какая-то не такая, на проявления бестактности она давно старалась не обращать внимания. Но высказывания грубые - заставляли действовать непродуманно и импульсивно.

В детстве она была тех детей, кто называл её толстухой или ещё какими плохими словами, и не понимала почему бабушка извиняется перед родителями тех детей. В отрочестве, одноклассницы не дружили с ней, бойкотировали молчанием. Она привыкла быть одна и бороться сама за себя. И на словесный удар, почти всегда отвечала ударом физическим.

Например, однажды когда один из клиентов в шутку называл её – жирной, она будто случайно резанула ему ухо. С тех пор этот человек старался помалкивать, но стричься всё равно приходил.

И вот теперь Люба, услышав слово - корова, не сумела сдержать порыв. Рука будто сама по себе дёрнулась и парень оказался в глубоком нокауте.

Такого не ожидал ни кто. Все затихли. Музыка прекратилась. Кажется даже светомузыка остановила свой бег. Ошарашенная публика кто с удивлением, кто с восхищением, а кто и с негодованием все смотрели на Любу и на Славку рас-

пластавшегося посреди зала.

- Ах ты, паразитка! - выскочила маленькая бабушка и кинулась к парню. – Что удумала, парней колотить! Кто ты такая, а? Откуда взялась? Ты свой кулак видела? Это же настоящая кувалда! Паразитка! Разве можно такими ручищами махать?

Люди вокруг стали возмущаться и покрикивать.

- Думать надо!

- Зачем парня покалечила?

- Ничего себе девушка!

- Танк Т-34!

- Откуда взялась эта громадина?!

Стало понятно, нужно уходить. Стена непонимания и оскорблений - впрочем, как и всегда. Люба бросила обруч, который до сих пор держала и он издал неприятный металлический звук. Парень пошевелился и привстал, из носа у него показалась кровь. Маленькая бабушка помогла ему и протянула платочек.

- У, зверюга! - бабушка погрозила Любе пальцем. - Тебя к нормальным людям на пушечный выстрел допускать нельзя!

- Да что вы на неё накинудись, он сам виноват! – подошла невеста Оксанка.

- Прежде чем говорить пусть сначала думает! Мозги включает! - выкрикнула было Люба и поискала во взглядах окружающих хоть какой-то поддержки.

Но ничего подобного не увидела. Только Оксанка глянула

ободрительно, но это совсем не вселило уверенности и Люба решила сматываться, пока её не обвинили в том, что она испортила праздник.

Она повернулась, хотела уже уходить, когда услышала:

- Подожди, не уходи.

Обернулась. Славка встал, вытер нос. Несколько капель крови упали на белую рубашку.

- Хороший удар у тебя, - криво усмехнулся Славка.

Люба дернула плечом, но его усмешка совсем не ободрила, а кажется ещё больше обидела.

- Не уходи. Это я виноват. Извини.

- Мне уже пора, - сказала Люба и под взглядами сотни гостей гордо удалилась.

В гардеробной, она сменила платье-гусеницу на любимый свитер и леггинсы и пошла к выходу, чтобы навсегда покинуть это место.

По дороге Люба думала, что больше никогда не пойдёт ни на какое мероприятие. Там - много других людей, тех, что не такие как она. И что бы она ни делала, они никогда не станут понимать её правильно. Потому что они - другие.

Домой пришла ещё не поздно. Бабушка тут же подскочила с расспросами:

- Ну как, спасла невесту?

- Спасла, - вяло проговорила Люба.

- А что с настроением?

- Устала.

- Иди, покушай и ложись, полежи.

- Я поела на свадьбе.

- Покормили тебя? Ой, какие молодцы, а что ж не осталась. Погуляла бы с ними.

Развлеклась.

- Так я и развлеклась, - усмехнулась Люба, - так, что больше и не захочется никогда.

Гуляли долго и тщательно. Два дня никакого продыха. Еда, питьё, танцы. Конкурсы, игры, подарки. И снова еда, питьё, танцы.

Отдых был. Временами. Отдыхали все и сразу, чтобы потом снова проснуться и снова кинуться в празднование свадьбы.

Оксанка с Димкой валялись в постели до победного. Пока в двери не начинала стучать мама и не кричала, что гости хотят продолжения. Тогда молодожены поднимались, надевали очередной наряд и снова выходили в бурю музыки и аплодисментов. Пели, танцевали, ели и пили.

В понедельник Оксанка проснулась около часа дня. Только открыла глаза, резко что-то вспомнила, схватила телефон и нажала кнопку вызова. Где-то в соседней комнате запиликало, Оксанка стала пробираться по кровати к выходу. Громко всхрапнул Димка, но не проснулся.

Сразу за дверью на маленьком диване, в костюме измятом

до последней стадии помятости, с лицом практически вдавленным в подушку спал брат Славка. Нога неестественно задранная на спинку дивана, носок с огромной дырой. На другой ноге носка и вовсе не было.

- А ну вставай! – девушка дернула его за пятку. - Вставай сейчас же!

- Чего тебе. Отстань. Я спать хочу. Голова раскалывается. Уйди мартышка.

- Так. Я сказала, вставай сейчас же и иди умывайся!

- Да что ты прицепилась у меня выходной. Я отпросился. Сколько хочу столько и сплю. Убейся.

- Славка я не шучу, сейчас водой оболью тебя! Хочешь?

В ответ он только засопел. Оксанка пошла на кухню, взяла стакан, налила воды и вернулась в комнату. Славка уже сидел на краю дивана. Он хорошо знал этот её трюк, и знал, чем он обычно заканчивался. Поэтому решил не рисковать.

- Ну, говори скорее чего надо? - заспанное лицо попыталось изобразить заинтересованность.

- Значит так, ты Любу обидел, а она мой лучший мастер. Я не собираюсь из-за тебя терять мастера.

- И что ты хочешь?

- Ты, возмёшь цветы и пойдёшь просить прощения, за то, что её обидел.

- Ты совсем сдурела?! С какого это такого перепуга я поду просить прощения у этой толстухи, которая ещё и меня же чуть не убила?

Но Оксанка была настроена очень решительно. Она слишком хорошо знала, что значит потерять мастера. И не собиравалась из-за брата терять хорошее отношение Любы. А после инцидента на свадьбе, Люба могла и обидится.

- Так вот, или ты идёшь к Любе и просишь у неё прощения или я...

- Ну и что ты? Что ты сделаешь, а? Маме расскажешь?

На мгновение девушка задумалась, а потом лицо её просияло:

- Вот именно. Я расскажу маме, где ты провёл ночь, когда сказал ей, что будешь у Димки.

На лице Славки тут же отразилась тревога. Ему совсем не хотелось, чтобы мама узнала о его ночных приключениях.

- Вот предатель! - злобно сказал он. - Никому нельзя доверять. Друг называется. Он что, тебе всё рассказывает этот подкаблучник?

- Не всё, конечно. Если бы я знала всё ...

- То не вышла бы за него замуж! - засмеялся хитрым смехом Славка.

Лицо Оксанки вдруг стало серьёзным:

- Ты о чём это?

- Нет, нет. Ничего такого, - опомнился братец.

- Короче, - безапелляционным тоном сказала Оксанка, - пойдёшь к Любе и попросишь прощения. Всё.

3

Эля нещадно наматывала волосы клиентки на расчёску и стремительно взмахивала феном.

- Горячо! - возмущённо глянула клиентка.

- Терпите, - резко ответила Эля.

- Но, вы обжигаете мне лоб! - голос клиентки становился всё строже.

- А как иначе я могу высушить чёлку так быстро, как вы хотите? Вам нужно и на работу успевать и чтобы нежно сушили волосы?

- Но я ведь не попросила вас окончательно спалить мне голову.

На этот выпад Эля замолчала и ещё более сосредоточенно заработала расчёской.

- Эта тётка вымотала мне все нервы, - сказала она Любе, когда клиентка ушла, - ей видите ли горячо. Пусть скажет спасибо, что я вообще терплю её капризы.

Люба сочувственно глянула на подругу и, продолжая стричь ушастого подростка, заметила:

- Что-то ты сегодня снова на взводе.

Эля вздохнула, взяла веник и произнесла:

- Вчера Стасик признался, что женат. И вот я теперь думаю, продолжать мне с ним встречаться или расстаться?

- Опять - двадцать пять! - Люба отпряла от парнишки и

возмущённо глянула на Элю. - Где ты берёшь этих женатиков? Что у нас в городе, неженатые закончились?

- Где я их беру? В парикмахерской, вот в этой! Где ещё я могу найти хоть какого-то мужика? Как будто я хожу куда-нибудь, кроме работы. Ты что не помнишь того симпатичного, такого рыженького?

- Тот, что весь в веснушках?

- Да. Он пригласил меня посидеть в кафе, а потом мы пошли ко мне.

Люба снова обернулась:

- А ты не можешь, хоть иногда выдерживать паузу и не вести всех подряд к себе домой?

- Но ведь мы взрослые люди и нам уже не по пять лет.

- Да, но можно сделать хоть какой-то вид первого свидания или второго.

- Ты что с луны свалилась, какое первое свидание и тем более второе, - усмехнулась Эля.

- Ну не знаю. Я бы не стала сразу тащить парня к себе домой.

- Ты бы не стала, у тебя бабушка дома. Но я – живу сама. Зачем же нам по улицам шататься?

- А хотя бы для вида нельзя сказать, что ты живёшь не одна?

Эля подмела вокруг кресла и теперь наводила порядок на своём столике. Чистила расчёски, протирала ножницы.

- Ты ещё молодая, чтобы понять меня. Сколько у тебя бы-

ло мужчин? Ну, сколько? Ни одного? Вон Генка ходит, что стрижется у тебя, всё время зовёт на свидание, но нет, тебе же он не нравится. Не такой. А какой тебе нужен? – её видно даже не смущал мальчик подросток, что прислушивался к разговору и загадочно улыбался, понимая, что на его присутствие совершенно никто не обращает внимания.

- Это не важно, - обиженно парировала Люба.

- Вот то-то. И молчи тогда, раз не знаешь. Так и будешь со своей бабушкой до пятидесяти лет без парня жить. Девственницей. А я так не хочу. Я хочу жить нормальной полноценной жизнью. Ничего, что пока мне не везёт и не встретился ещё тот, кто останется со мной навсегда. Но он придёт, обязательно придёт.

- А ты не думаешь о том, что пока ты распаляешься на этих женатиков и каких-то хмырей, нормальный мужчина просто пройдёт мимо тебя. Не заметит, какая ты на самом деле. Потому что в тот момент ты будешь занята каким-то идиотом, который просто временно тобой пользуется. Сначала нужно узнать человека и уже потом, если ты поняла что он тебе подходит, вот тогда...

- Тогда я окончательно состарюсь и точно уже на меня ни кто не посмотрит. Если тебе хочется так, то вот сама и ходи и гуляй. Но ведь тебе и гулять не с кем. Ау! Ну, где они, те парни, с которыми ты собралась в кино идти? А, где?

И как будто в ответ на эти её слова, дверь открылась и высокий крепкий парень с букетиком тюльпанов вошел в па-

рикмахерскую.

- Здравствуйте. Люба, я к вам.

Люба, Эля и лопоухий подросток оторопело смотрели на вошедшего парня.

А там было на что посмотреть. Здоровенный, мордатый, симпатичный. Одежда его в небрежном стиле если и говорила он наличии вкуса, то в дуэте с не слишком большой опрятностью. Мятые джинсы и такая же куртка прямо намеками на то, что он не сильно церемонился с вещами, возможно, бросал где попало, а может быть и спал прямо в них. Но при всех эти видимых недостатках, весь образ парня – довольно неплохой.

Эля в привычном жесте подбоченилась, обаятельно улыбнулась и стреляя взглядом промурлыкала:

- Вы уверены, что вам нужна именно Люба?

На что Люба грозно глянула на подругу и сказала:

- Конечно, он уверен. Правда, Слава?

Он же довольный, что его так быстро вспомнили, хотел уже что-то сказать, но Люба перебила:

- Пожалуйста, подожди на улице.

Когда он вышел, Люба победоносно глянула на Элю и быстро обмахнула широкой кистью шею мальчишке, что всё с большим интересом слушал их разговоры.

- Чего уши развесил, давай триста рублей! - прикрикнула на него Люба и парнишка недовольный, что всё так быстро

закончилось, протянул деньги, поблагодарил и вышел.

- Любка, ну удивила! - бросилась к окну Эля. - Это ж надо, какого парня подцепила и молчит. Вот тихоня. А она мне ещё про кафе и про кино. Вон откуда ветер дует.

- Да не парень он мне. Просто я его в субботу на свадьбе немного побила, вот он и пришел, наверное извиняться.

- Ничего себе такого громила и побила. Как ты умудрилась?

- Да не побила, так, стукнула один раз, он и вырубился.

- Да уж, не слышала я ещё такого. А он ничё, если что давай его сюда. Поболтаем, - Эля хитро поглядывала на Славика, что топтался возле парикмахерской.

- Ну, чего тебе? - Люба недовольно глянула на парня.

Он скривил лицо, словно ему не доставляло вообще никакого удовольствия здесь находиться и сказал:

- Слушай, давай без обид. Я тебе ничего не говорил, а ты меня в морду не била. В общем, решим любовно.

Ничего не понимая, Люба возмущённо глянула на него:

- Что значит не было? Это вроде бы - ты меня не оскорблял?

- Ну да, вроде того.

- Это с какой стати? Я что-то не поняла, это ты, типа так извиняешься за то, что оскорбил меня?

- А чего сразу оскорбил? Просто назвал - коровой, это что разве оскорбление? Я же так не думал. Вот возьми. И забудь.

дем, - он протянул цветы.

В замешательстве и неожиданно подступившей тихой ярости, что мгновенно охватила Любу, она взяла тюльпаны, которые он протянул и огрела ими Славку по лицу. А потом хлестала ещё и ещё, до тех пор, пока весь букет не превратился в лысую метёлку.

- Вот тебе и вот! Иди ещё раз подумай, над тем, что ты говоришь! Тупица!

Славка возмущённо смотрел на Любу. Вроде хотел кинуться, но сдержался. Стряхнул красные и желтые лепестки, что густо усеяли голову и куртку.

- Вот придурашная! Да больше ты меня не увидишь! Извиняться им по сто раз! Фиг вам! Нашли дурака! - и он, ругаясь, пошел прочь.

В компании Славка всегда был заводилой. Если кого-то из друзей разыграть весёлой, злой шуткой, это по его части. Просто ради веселья, от скуки, или оттого что некуда девать дурь молодецкую.

Но как за двадцать друзьям перевалило, один за другим откалываться стали от компании весёлой. То один женился, то второй, а там и третий, и четвёртый. В общем, всего за пару тройку лет растерял Славка верных дружков. Один только Димка остался. Да и то, потому что на сестре, на Оксанке женился. И теперь, она всем заправляет. Димка без её ведома ни шагу ступить не может. Всё под её пристальным взглядом.

Потому что знает Оксанка, своего брата как никто другой. Вдоль и поперёк. Она хоть молодая ещё да строгая до ужаса.

У самого Славки с девушками всё как-то не срастается. И вроде неплохой он парень и умом не самым захудалым, и характером весёлым удался и на вид если не красавец, то не хуже других. Но всё как-то не те девушки попадают. Всё стараются его беспокойный дух к рукам прибрать. Командуют. А он не привык, чтобы ему указывали. И на побегушках ни у какой, пусть даже принцессы, быть не намерен. И сознание его от любви никогда не затуманивалось, и под сексуальный гипноз ни кто взять не сумел. Так и ходил Славка свободный как ветер в поле. Довольный и счастливый, что под оковы брака по дурости или недосмотра попасть не умудрился. Так как попались все его друзья.

А он их, нет-нет да и высмеивает. Мол, как так можно, чтобы здоровому парню молодая жена приказывала. Это вообще, что за ерунда? После таких дел, понятно, что жены друзей стали запрещать своим мужьям с другом Славой общаться. А то, ещё чего доброго надует им в уши о прелестях свободной жизни, тогда что делать?

Так и остался один. Димку то Оксанка тоже на короткой ноге держит. А самому себе, шутки выдумывать уже не интересно, вот и сидит теперь Славка продавцом в авто магазине с автомобилистами общается. Что у кого лопнуло, перетёрлось или застучало.

Скука несусветная.

От парикмахерской пошел домой, чтобы выложить сестре, возмущение. А так же со всей серьёзностью сказать, что больше никогда не пойдёт у неё на поводу. И не станет слушать её обещания, даже под страхом шантажа. Конечно, ему не хотелось чтобы мама узнала подробности его походов, но и это ведь не конец света. Если и пострадает, то совсем немного. Ну, выслушает как обычно мамину нотацию, а после, всё уляжется и будет как всегда.

Поэтому, так и скажет сестре, что больше не желает ходить к этой белобрысой толстухе просить прощения и тем более унижаться.

- Ну что? - с порога поинтересовалась Оксанка и со смехом посмотрела на куртку испачканную листьями и цветочной пылью. - Вижу, ты не слишком тщательно подбирал слова. Что ж, нужно будет сказать маме, где и с кем ты коротаешь вечера.

- Да говори, кому хочешь, но только запомни навсегда, больше я к этой твоей безумной парикмахерше ни ногой. Хоть зашантажируй меня до смерти. Это моё последнее слово. Она же ненормальная. Чуть что сразу в морду бьёт. Нет, я на такое не подписывался. Она твоя парикмахерша, вот ты и ходи, перед ней извиняйся. А меня от этого дела отстраняй. Больше не пойду ни за какие угрозы.

Но Оксанка, видно задумала довести его до крайнего состояния, потому что на всё это она просто ответила:

- Хорошо можешь не ходить, только давай-ка вещички свои собирай и переезжай дорогой братишка - к маме. Надоело мне с тобой цацкаться. А там делай всё, что хочешь. Раз не желаешь перед Любой извиняться. Тогда - к маме.

Почесал за ухом Славка и сказал:

- Ладно, завтра снова схожу, но только это будет - последняя, понимаешь - последняя попытка.

Оксанка повернулась, чтобы пойти в кухню, но что-то вспомнила и вернулась:

- Только не забудь пригласить её в кино или в кафе.

- Что?! Мы так не договаривались!

- А мы никак не договаривались. Обещаю, если сходишь с Любой в кино или в кафе, я от тебя отстану навсегда.

- Договорились.

- Папаша твой звонил. Спрашивал, как мы живём. Станный человек, приехал бы и посмотрел, как мы живём, а то только и знает, что раз в год спрашивать.

Бабушка быстро, схватывала концы теста, лепила маленькие пельмешки, один к одному. Они получались невероятно вкусными и Люба съедала большую порцию. Она помогала бабушке на кухне, но только тогда, когда та звала. Делала она это очень редко, не любила чтобы топтался кто-то под ногами и чаще выгоняла Любу из кухни. Но лепить пельмени звала всегда.

- Тамарка видать не пускает. Боится, что мы уговорим его и он вдруг захочет тут остаться, - предположила Люба.

- Да зачем он нам тут нужен? Мы ему не нужны, а он нам зачем? Ещё чего. Пусть сидит там, в своей Москве, - строго говорила бабушка.

Об отце Любы она всегда говорила строго. Не любила его и всячески ругала.

Люба вздохнула. Иногда ей представлялось и даже снилось во сне, как папа приедет, обнимет и скажет, что больше никуда не уйдёт. Она понимала, этого никогда не будет. У него там семья. Жена – Тамара его не отпустит. С другой стороны, если бы сильно хотел, разве смогла бы его удержать жена? Значит, сам не хочет. А раз он не хочет видеть свою

дочь, то и она старается думать о том, что не хочет видеть своего отца. Всё детство хотела, а теперь уже все - поздно. А может и нет.

Никогда Люба не знала своей мамы, только видела на фотокарточках. Она умерла сразу после родов, вроде бы от потери крови. Люба не знала подробностей. Но спустя годы и некоторые намёки бабушки, для себя поняла только то, что мама умерла от того, что ребёнок был слишком большой, а мама была худенькой и маленькой. В общем, Люба решила, что это она виновата в смерти мамы. Конечно, Люба знала, то, что она родилась такой большой на самом деле не её вина, ведь нельзя заставить ребёнка в животе беременной женщины быть меньше или больше. Но всё равно, всю свою жизнь чувствовала этот камень на своей душе. И он, нет-нет да и надавливал.

Потом, когда отец отвёз Любу маминой маме - Нине Ивановне, она заменила девочке мать. Стала единственным человеком в жизни Любы, кого она любила больше всех.

Отца, она тоже любила, но другой скрытой и какой-то обиженной любовью. Той любовью, которой любят человека, что все время обижает, все время отталкивает, но его всё равно любят к нему тянуться. Потому что существует связь, которую если и может что-то разорвать, то точно не расстояние и не время. В общем, всё нелегко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.